
К ВОПРОСУ ОБ АРМЯНО-МОЛДАВСКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ СВЯЗЯХ

А. Х. ТОРАМАНЯН (Кишинев)

Изучение отрывочных сведений об армяно-молдавских архитектурных связях, а также выявление новых материалов дает возможность дополнить историю культуры этих братских народов новыми страницами. О таких материалах говорится в данной статье.

Однако следует отметить, что в задачу нашего исследования не входит привлечение данных, свидетельствующих о времени появления армян на территории Молдавии или о других аспектах их культурной жизни.

1. О происхождении молдавского свода

В каменной культовой архитектуре феодальной Молдавии в конце XV в.¹ появляется самобытная, вполне оправданная в своей архитектурно-тектонической сущности конструкция, применявшаяся повсеместно вплоть до XVII в.², а кое-где даже до начала XX в., известная в литературе под названием молдавского свода или купола.

Подобная конструкция использовалась в целях уменьшения сечения купольного барабана или сферического свода наоса, пронаоса или притвора молдавской церкви. Это достигалось путем устройства под углом 45° , над квадратным основанием подкупольного пространства, системы квадрата, стороны которого представляли собой арочки-сводики. Углы квадрата опираются на среднюю часть основных арок или сводов квадратного основания наоса или других упомянутых помещений. Переход от квадратного основания к круглому купольному барабану или основанию сферического свода осуществляется с помощью сферических парусов, устроенных в углах квадрата, точно так, как и переход от основного квадрата наоса. При этом становится возможным значительное сокращение диаметра подкупольного наоса (рис. 1).

В упомянутых помещениях можно встретить также двух- и даже трехъярусные своды, которые устроены по тому же принципу и еще в большей степени способствуют сокращению сечения подкупольного основания.

---

¹ Впервые молдавский свод появился в церкви в Пэтруэцах в 1487 г. (см. Grigore Ionescu, *Istoria arhitecturii românești*. București, 1937, стр. 248).

² См. Virgil Vatașianu, *Istoria artelor feudale în Țările Române*, București, 1959, стр. 646.

В молдавских церквях XVI в., особенно в пронаосах и редко в наосах, встречается и другой вид конструкции подкупольного их основания— на перекрещивающиеся арки, образующие по одному квадрату и располагающиеся на одном уровне, под 45° относительно друг к другу. Такое перекрещивание арок создает в плане фигуру восьмиконечной звезды³. В углах пересечений квадратов образуются сферические паруса, послужившие основанием для перехода от восьмигранного подкупольного основания к круглому (рис. 2). Следует отметить, что диаметр купольного

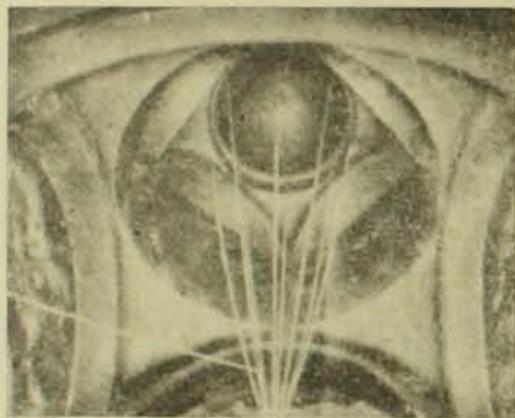

Рис. 1. Общий вид молдавского свода.

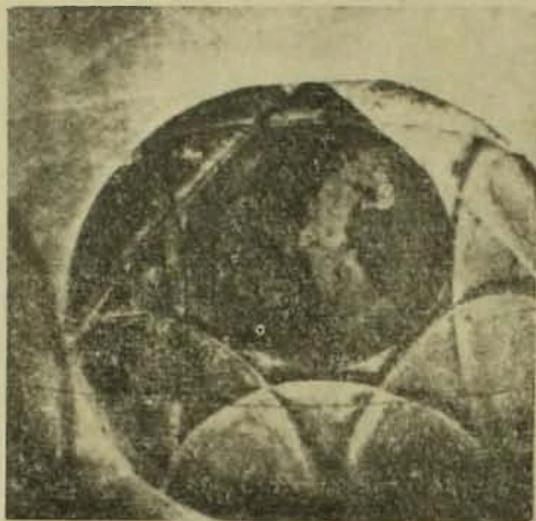

Рис. 2. Общий вид молдавского свода с перекрещивающимися арочками сводками.

барабана или самого купола, опирающегося на это основание, равен сечению купольного барабана или купола, основание которого представляет собой один квадрат, а не два, как отметили выше. Выполнение в натуре системы перекрещивающихся арок значительно сложно, а в функциональном отношении их применение особых преимуществ не дает. Кстати, привлекает к себе внимание любопытный факт: с 1527 по 1582 гг. этот вид конструкции применялся в пронаосах четырех церквей из 24, приведенных в работе известного исследователя молдавской архитектуры Г. Балша.⁴ В памятниках более позднего времени за редким исключением (большая церковь монастыря Драгомирны—1610 г.) этот вид конструкции подкупольного основания не встречается⁵.

Так как этот вид конструкции, как и первый, описанный, были созданы в конце XV в., то можно полагать, что первоначально они применялись вместе, а затем, из-за сложности конструкции с перекрещивающимися

³ Ранний пример встречается в конце XV в. в пронаосе церкви св. Георгия в Хырлэу (см. Grigore Ionescu, указ. работа).

⁴ См. G. Balș, *Bisericile și manastirile moldovenești din veacul al XVI-lea*, București, 1928.

⁵ См. G. Balș, *Bisericile moldovenești din veacurile al XVII-lea și al XVIII-lea*, București, 1933 и др.

арками, молдавские мастера отказались от него, предпочтя первый вид, сравнительно легко выполнимый в натуре.

В отличие от известных систем куполов эти виды конструкций, несмотря на то, что усложняют процесс возведения здания, все же способствуют значительному сокращению веса барабана, что очень важно, так как подкупольное основание, с точки зрения его несущей способности, является участком здания. Не трудно представить, что при соответствующих конструктивных недочетах в возведении системы купольной конструкции, особенно в сейсмических условиях Молдавии, этот участок здания церкви раньше всех может подвергаться наибольшим деформациям. Возможно, потому в трехабсидных церквях Молдавии, начиная еще с конца XV в., наличествуют контрфорсы, устраняемые, по одному, с первой и левой сторон каждой абсиды, не говоря о том, что сама планировочно-объемная композиция трехабсидной церкви с конховидным завершением верхов абсид еще раз подтверждает, что этот участок церкви находится в самой ответственной зоне. С облегчением веса конструкции сводов купольные барабаны приобретают наиболее стройный и элегантный облик и более гармонично входят во взаимосвязи с остальными объемами здания, в отличие от широких приземистых купольных барабанов византийских церквей, особенно их ранних образцов.

Несомненно, что появление этого своеобразного и нигде не встречаемого в культовых христианских зданиях конструктивного решения не может быть вне связи с тем, что было создано в архитектуре Молдавии еще до образования молдавского государства и после и в зодчестве сопредельных или более дальних стран до XV в. включительно. Поэтому не случайно то внимание, которое было уделено учеными вопросу происхождения молдавского свода. Выдвинутые им различные гипотезы еще в недостаточной степени отражают действительность, хотя в основе они содержат верные мысли.

В связи с тем, что в последние годы, в результате археологических раскопок, на территории Советской Молдавии были обнаружены новые материалы, имеющие непосредственное отношение к нашей проблеме, мы решили в свете этих материалов рассмотреть отдельные аспекты вопроса прототипа молдавского свода. Однако прежде необходимо дать краткий обзор вопроса.

Австрийский историк искусства Иозеф Стржиговский отмечал, что молдавский свод является простой транспозицией в камне или кирпиче очень древней деревянной конструкции, встречающейся до наших дней на Украине и в других более отдаленных районах Востока (Кашмир, Индия)⁶. Французский византист Габриэль Мимье в предисловии перевода труда И. Стржиговского «Древнехристианское искусство Сирии» писал: «Для сокращения и устройства купола на сферических парусах молдаване использовали тот же самый прием. Они не знали деревянного

⁶ Josef Strzygowski. Die Baukunst der Armenier und Europa, Wien, 1918; его же, Die bildende kunst des Ostens, Leipzig, 1916, стр. 46.

образца, переосмысленного в Азии в камне»⁷. Г. Балш отмечал, что он не отрицает гипотезу П. Стржиговского, но в его задачу входит поиск наиболее близких прототипов молдавского свода. При этом он указывал, что большие угловые тромпы, как конструкции для перехода от квадратного основания к многогранному, являются самыми распространенными в восточных странах, в частности в Иране и Армении⁸. В поисках решений, аналогичных молдавскому своду, Балш указывал на купола михраба мечети в Кордове (X в.) и мавзолея султана Хассана в Каире (XIV в.), представляющие собой два квадрата с арочными сторонами, расположенные в один уровень, под 45° относительно друг к другу. Автор отмечал, что ни Испания, ни Египет не могли влиять на феодальную архитектуру Молдавии и что никакие исторические сведения не подтверждают связи с этими странами. В заключение Балш связывал появление этого вида конструкций с армянской архитектурой, что можно видеть в покрытии библиотеки в Санаине. По его мнению, наличие конструкции в Молдавии обусловлено влиянием Ирана, проникшим в Молдавию посредством армян⁹. Этому же мнению он придерживается и в других, более поздних работах¹⁰. Румынский искусствовед Вирджил Вэтэшяну согласен с тем, что применение тромпа в молдавском своду связано с армянским зодчеством¹¹. Французский искусствовед Л. Брехье отмечал, что этот прием был использован в Армении и там необходимо искать его происхождение¹². Другой румынский историк искусства Ал. Бусуиочяну считал, что вопрос об истоках молдавского свода должен рассматриваться с позиции новых исследований, тем более, что решения, идентичные молдавской конструкции, нигде не встречаются¹³. Автор в поисках таких форм обращался к некоторым памятникам армянской архитектуры (иллюстрация которых приводится у X. Ф. Линча). Бусуиочяну указывал, что решение покрытий церквей, упомянутых у Линча, вытекает из более древних армянских архитектурно-строительных традиций, прекративших существование в связи с применением камня в строительстве. Согласно Бусуиочяну (впрочем, повторяющего Г. Балша), такое решение покрытий появилось в Молдавии в результате поселения армян на

⁷ Eleonora Costescu, *Pozitia lui Iosef Strzygowski ca istoric de artă*, București, 1944, стр. 4.

⁸ См. G. Balș. *Sur une particularité des voûtes moldaves*, Bulletin de la section historique Academie roumaine, Bucarest, 1924, XI, стр. 14, 15.

⁹ См. G. Balș, там же, стр. 17, 18, 20—24.

¹⁰ См. G. Balș. *Inceputurile arhitecturii bisericesti din Moldova*, București, 1925, стр. 10, его же, *Influences arméniennes et georgiennes sur l'architecture roumaine*, Bucarest, 1931, стр. 15.

¹¹ Virgii Vatașianu, *Pentru originea arhitecturii moldovenesti*, jumimea literara, Cernăuți, 1927, стр. 186, 187.

¹² См. L. Bréhier, *Arta romana* (N. Iorga și G. Balș, istoria vechii arte romane), Buletinul comisiei monumentelor istorice, București, 1924, I—III, 39, стр. 5.

¹³ См. A. I. Busuioceanu, *Influences arméniennes dans l'architecture religieuse du Bas-Danube*, București, 1928; H. F. B. Lynch, *Armenia, travels and studies*, Londres, 1901, II, 101, 102, рис. 128.

ее территории. Иного мнения придерживается В. Вэтэшяну, считающий, что корни молдавского свода находятся в молдавской деревянной архитектуре. Он отмечает, что деревянный дом, который мог породить эволюцию в создании молдавского свода, является церковью центрического типа, названного украинским вследствие повсеместного распространения его на Украине, и что молдаване заимствовали его. В. Вэтэшяну далее отмечает, что «кажется лишней попытка присвоить решительное значение церкви с деревянными сводами Армении, когда аналогичные конструкции, из того же материала, встречаются и в Молдавии. Эти деревянные церкви не только предшествовали каменным церквям, но послужили также в качестве подмостей для этих церквей»¹⁴. Румынский историк архитектуры Григоре Ионеску, соглашаясь с Ал. Бусуночяну относительно того, что конструкция молдавского свода исходит из каменной архитектуры Армении, также принимает гипотезу Г. Балша, считавшего, что эту конструкцию в Молдавию привезли с собой армяне¹⁵. В то же время Ионеску согласен с В. Вэтэшяну относительно того, что мастера времени молдавского господаря Штефана Великого могли заимствовать идею молдавского свода от покрытия деревянных построек типа церкви в Волчинец на Украине¹⁶. Вместе с тем автор отмечает, что и более ранние аналогии в каменной архитектуре Армении не могут быть замечены, указывая при этом на библиотеку монастырей Хоранашат и Арзакан в Армении¹⁷. В заключение Ионеску пишет: «Родство между двумя системами, армянской и молдавской, не кажется сомнительным. Творческая транспозиция и переработки в кирпичной форме армянской идеи может быть плодом работы местных архитекторов (знавшие, естественно, также и формы деревянного зодчества) и мастеров, принадлежавших одной из колоний эмигрантов армян, существовавшей в Молдавии еще с XIV в.»¹⁸. Сведения о происхождении молдавского свода содержатся также и в других работах, рассматривающих отдельные аспекты молдавского зодчества¹⁹. Ознакомление со структурной характеристикой молдавских однефных трехабсидных церквей позволило заметить, что на них почти механически перенесена традиционная система подкуольного основания, известного еще с раннехристианского времени: квадратное средокрестие, к сторонам которого примыкают своды-ветки. В молдавских культовых зданиях, в связи с небольшой шириной их нефов, обуслов-

¹⁴ Virgil Vătăşianu, *Istoria artelor feudale în Tarile Romane*, Bucureşti, 1959, стр. 646.

¹⁵ Grigore Ionescu, *ук. соч.*, стр. 252.

¹⁶ См. там же, стр. 240, 241.

¹⁷ См. там же, стр. 241. Автор говорит о здании библиотеки монастыря, ошибочно называя его притвором.

¹⁸ Там же, стр. 241, 242.

¹⁹ См. Steianescu, *L'évolution de la peinture religieuse en Bucovine et en Moldavie depuis les origines jusqu'au XIX siècle*, Orient et Byzance, Paris, 1928, II; P. Henry, *Les églises de la Moldavie du Nord*, Paris, 1930; P. Constantinescu-Iaşi, *Influenţe ale arhitecturii rechi ruseşti asupra vechii arhitecturii româneşti*, Bucureşti, 1951 и др.

ленной, возможно, требованиями времени или техническими причинами, видимо, приходилось увеличивать их длину в направлении восток—запад. При этом ширина подкупольного основания почти равна диаметру основания купола, до переброски арок-сводков молдавского свода. Так, если мощным основанием для купола служат восточная и западная подпружные арки-своды, то не менее мощными являются конхи северного и южного абсид; и, возможно, поэтому не потребовалось применения широких подпружных арок для северной и южной стен церкви. Мастер-строитель при таких соотношениях ширины подпружных арок мог обеспечить наиболее разумный диаметр подкупольного основания и тем самым наиболее устойчивую его конструктивную структуру.

Не менее важным аспектом в возникновении молдавского свода является удлиненная планировочная схема церкви, которая требовала устройства двухскатной крыши. Следовательно, молдавский мастер должен был решить две проблемы: сокращение диаметра купольного барабана или купола церкви и непосредственный выход его из-за предела высокой двухскатной крыши церкви.

В связи с этим не лишним будет отметить, что в русской культовой архитектуре, вплоть до конца XVII в., применялась система ступенчатых арок-сводов с целью увеличить высоту средней части церкви, придав ей, таким образом, более величественный, нарядный вид. Для этого ветки креста, то есть цилиндрические своды, образующие подкупольное основание, представлены двумя уровнями: высоким, примыкающим к средокрестью, и низким—к концам ветвей этих сводов. Над высокими сводами возвышался купольный барабан. Однако в отличие от молдавского свода сечение купольного барабана русской церкви не уменьшалось, а оставалось равным сечению подкупольного основания. В русской и молдавской архитектуре заметно, как крыши—четырёхскатная в первой и двухскатная во второй,—охватывая барабан купола, лишали его возможности четкого выхода наружу. При этом барабаны как бы лишены своего основания, которое оставалось под крышей. Примечательно также, что конек крыши доходит до окна барабана. Возможно, для устранения этого в русских церквях появляются кокошники, позволяющие купольным барабанам стройно вырастать из центральной части здания. Небезынтересно отметить, что покрытие молдавских церквей было дифференцированным, то есть каждое помещение имело свое самостоятельное покрытие²⁰. В дальнейшем эта практика исчезает, и весь корпус церкви покрывается одной двухскатной крышей. Можно заключить, что молдавские мастера хорошо понимали эстетическую роль барабана церкви и потому оставляли его открытым для всестороннего обозрения. Наряду с этим участки между наклонными поверхностями крыш отдельных помещений церкви, обращенные в сторону барабана, при больших

²⁰ Ștefan Balș-Corina Nicolescu, *Manăstirea Neamț*, București, 1958, стр. 63.

снежных заносах заполнялись снегом и во время оттаивания последнего влага могла повлиять на состояние стен барабана церкви²¹.

Проанализировав эти два аспекта, связанные с причинами возникновения молдавского свода, остановимся на его более вероятных истоках, находящихся, на наш взгляд, на территории Молдавии.

В результате археологических раскопок в селе Костешты были обнаружены остатки полужемлянки гончарной мастерской, датированной XIV в.²² В средней части постройки найдены остатки трех тондиров, а на поверхности пола множество обломков керамической посуды²³. По мнению Л. Л. Полевого, мастерами, соорудившими эту мастерскую и тондиры, а также привнесшими традиции производства поливной керамики с орнаментом граффито Пруто-Днестровья, могли быть в основном армяне²⁴.

Согласно нашей реконструкции, над углами среднего квадрата мастерской были устроены балки-бревна, а затем над ними, параллельно сторонам квадрата, уложены соответственно другие. При таком чередовании угловых и параллельных балок-бревен возможно было достигнуть необходимого сечения отверстия шатрового покрытия мастерской²⁵.

Аналогичные решения конструкции покрытий известны и сейчас в народном зодчестве Закавказья (в Армении—глхатун, в Грузии—дарбази, в Азербайджане—карадам) и Ближнего Востока.

В данном случае, если допустить, что прототип молдавского свода представлен в виде переработанной в камне конструкции шатрового покрытия этой мастерской, не менее вероятным является и тот факт, что для совершенствования конструкции молдавского свода должен был быть путь, указавший примерное решение этого свода, которое в натуре было бы замечено молдавским мастером. Невозможно представить, что деревянная балка, поставленная под углом, сразу же могла стать совершенной конструкцией, какой является молдавский свод. Творческое перенесение аналогичных конструкций, несомненно, могло вдохновить молдавского мастера при создании его знаменитого свода.

В архитектурах сопредельных стран наш строитель вряд ли мог увидеть упомянутый трюк, где за редким исключением был распространен сферический парус. Вероятно, такой трюк впервые был обнаружен в крестовокупольной бане в Старом Орхее (в Молдавии).

²¹ См. Petre Luția, Raportul secțiunii regionale Cernăuți pe anii 1921—25, *Buletinul comisiei monumentelor istorice, București*, 1926, XIX, 49, стр. 132—134.

²² Л. Л. Полевой, Гончарная мастерская XIV в. из поселения Костешты, «Известия АН МССР», 1965, № 2, стр. 68—72.

²³ Согласно Л. Л. Полевому, форма и декор посуды входят в круг керамики Нижнего Подунавья, Крыма, Закавказья, Ближнего Востока, Византии. См. его же, *Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.*, Кишинев, 1969, стр. 11.

²⁴ См. Л. Л. Полевой, А. Тораманян, Армянская гончарная мастерская Пруто-Днестровья в XIV в., «Историко-филологический журнал», Ереван, 1971, № 2, стр. 290.

²⁵ См. там же, стр. 289, рис. 3.

ваннем видеть в ней армянское или грузинское происхождение и предположить, что крепость могла быть построена армянином или грузином. Он отмечает: «Слава армянских и грузинских строителей еще давно была хорошо известна в пределах всех провинций бывшей Византийской империи»³¹. Однако Вэтэсяну не приводит для этого аналогии, свидетельствующие о правоте своего суждения; очевидно, ему не были известны плиты армянской церкви города. Сравнительный анализ плит церкви и крепости, а также других аналогичных плит послужил бы для В. Вэтэсяну основанием видеть в них полное тождество черт и, таким образом, более уверенно говорить о действительных армяно-молдавских архитектурно-художественных связях в середине XV в.

Наличие этих плит в армянской церкви обусловлено их перенесением из другого места, возможно старого армянского кладбища или церкви, ныне не существующих, а может быть, они привезены крымскими армянами, переселившимися в Белгород-Днестровский после захвата Каффы (Феодосии) и других местностей Крыма турками³². Такая практика перенесения дорогих реликвий известна в жизни крымских армян³³.

Итак, прекрасно сохранившаяся плита 1446 г. представляет собой прямоугольную светло-серую мраморную доску, устроенную в нише, с округленными верхними углами, южной стены церкви (рис. 3). Размеры плиты — 59×47 см. Поверхность ее так обработана, что выделяется основная часть, состоящая из двух глухих проемов с трехлепестковым килевидным верхом, концы которых опираются на капитель среднего жгутообразного пилястра, в свою очередь опирающегося на орнаментированную с округленными углами вертикальных сторон базу. В средней части каждого проема выгравирован крест, высота которого превышает больше чем наполовину высоту проема. Красивый, типично армянский крест с расширяющимися концами, завершающимися пальметообразными рисунками, особенно наряден на поле проема, покры-

Рис. 3. Плита армянской церкви
1446 года.

³¹ V. Vataşianu, ук. соч., стр. 297.

³² См. А. Тораманян, О некоторых армянских архитектурных памятниках в Белгороде-Днестровском, «Историко-филологический журнал», Ереван, 1970, № 2, стр. 281.

³³ См. Հ. Քերոզրէ Վ. Քուչնեբան, Ճանապարհորդութիւն ի Քէդոսիոյ դէպ ի նոր-նախիչեան, «Բաղմազեպ», Վենետիկ, 1887, стр. 9.

того растительным узором — стилизованными полупальметками, чередующимися с виноградными гроздьями. Сами же кресты устроены над почти полукруглым основанием с орнаментированным полем. Переход от последнего к нижней вертикальной ветви креста образован сложной плетенкой. В убранстве самих крестов примечательно наличие, в расширяющейся зоне концов ветвей, пальметок. Не лишним будет отметить, что такое размещение растительного мотива встречается в рисунке плетенки наличника церкви в Долхешти-Марь, в Мангуле³⁴, в ряде армянских церквей Крыма и др.³⁵ Возможно, мотив пальметки плиты армянской церкви в Белгороде-Днестровском заимствован из растительного рисунка, помещенного обычно в последней ячейке плетенки так называемой «сельджукской цепи», часто встречающейся в архитектурном убранстве и, в частности, в хачкарах Армении³⁶.

Обобщая художественный облик плиты 1446 г., можно сказать, что степень изысканности проработки орнаментальных мотивов при их гармоничном взаимосочетании с ее отдельными элементами свидетельствует о высоком мастерстве, к сожалению, неизвестного армянского резчика и что эта плита является одним из лучших образцов художественной культуры армян Молдавии.

Вторая, небольшая известняковая плита 1474 г.³⁷ устроена в нише (29,5×16 см) северной стены, у подпружной арки предалтарного помещения, со стороны зала церкви, на высоте 1,59 м от уровня деревянного пола зала. Как и предыдущая плита, она состоит из двух частей: собственно надписи, занимающей более одной трети длины плиты и расположенной с левой стороны, и изображения двух крестов (такие можно видеть на многих хачкарах Армении), между которыми слегка вырисовывается жгутообразный пилястр, как на плите 1446 г., с правой стороны плиты. Здесь, из-под нижней вертикальной ветви креста, вырастают крупные стилизованные листья, напоминающие полупальметки.

Третья, не датированная плита темно-серого цвета со светлыми пятнами установлена в неглубокой нише (97,5×41,5 см) северной стены церкви помещения предалтарной части (рис. 4). В целях общего композиционного решения ее плоскость также разбита на две части: верхняя, занимающая почти три четверти высоты плиты, в середине которой помещен профилированный крест и два маленьких креста под горизонтальной ветвью креста, и нижняя, собственно надпись в пяти рядах.

Здесь, как и на хачкарах Армении, из-под вертикального рукава большого креста вырастает стилизованная ветвь, развивающаяся вправо и влево, с последующим примыканием ее отростков к вертикальным ветвям крестов. Следует отметить, что в отличие от множества известных нам хачкаров Армении на этой плите растительность выступает также из

³⁴ См. G. Bals. *Influences arméniennes et géorgiennes...*

³⁵ См. А. Л. Якобсон, *Армянская средневековая архитектура в Крыму*, «Византийский временник», т. VIII, М., 1956, стр. 178, 179, рис. 6; стр. 183, рис. 9.

³⁶ См. Nakhbat, *Documenti di architettura armena*, Milano, 1968, стр. 29, рис. 39.

³⁷ См. Х. И. Кучук-Иоаннесов, *ук. соч.*

верхней части рукавов крестов. Ее контур до уровня надписи опоясан бордюром с высеченным рисунком в виде растения, возможно редкой ветки елки.

В отличие от плиты 1446 г. ее художественные достоинства, на наш взгляд, значительно ниже. Рисунок побегов и распределение мотивов на поверхности плиты выражены вяло. Тем не менее рисунок стилизованных листьев свидетельствует о стремлении резчика разнообразить игру листьев и, таким образом, обеспечить более полное восприятие общей композиции этой плиты.

Известный исследователь истории армян Молдавии А. Дж. Сируни, судя по характеру рисунка букв надписи, полагает, что плита относится к середине XV в.³⁸ С нашей точки зрения, эта датировка не столь убедительна потому, что характер букв надписи все же ближе к рисункам надписей надгробных плит притвора церкви, относящихся, вероятно, к середине XVIII в., а возможно, и к началу века. В пользу более поздней датировки этой плиты говорят вялый рисунок растительного мотива фона и бордюры плиты и, наконец, то, что она была устроена в предалтарном помещении. Согласно нашим исследованиям, предалтарное помещение и весь алтарный блок с его большими и маленькими ризницами был построен в конце XVII в. по получении нынешней церкви от греков³⁹.

Кстати, следует обратить внимание на то, что плиты 1446 и 1474 гг. устроены соответственно на южной и северной стенах зала церкви, а не на стенах предалтарного помещения. Этот факт дает основание предположить, что плита относится к позднему времени, а не к XV в.

Появление в это время в Белгороде-Днестровском плиты, обработанной в духе традиции армянских хачкаров, является исключением, тем бо-

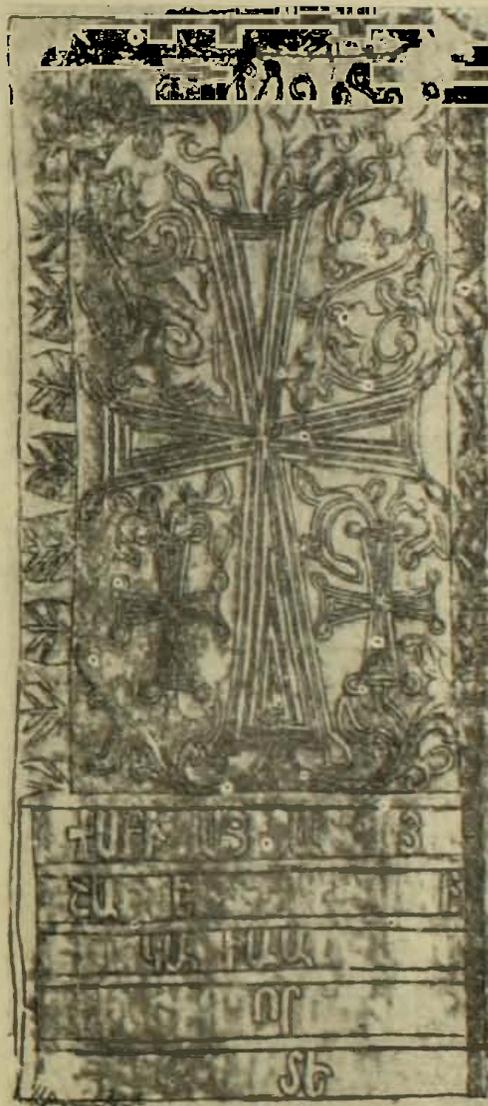

Рис. 4. Плита армянской церкви нач. XVIII в.

³⁸ См. И. Дж. Сируни, *Bisericile armene de prin Tarile Romane*, „Ani”, Anuar de cultura armeană, București, 1942, стр. 503.

³⁹ См. А. Тораманян, *ук. соч.*

лее, что надгробья армян Молдавии, относящиеся к предполагаемому нами времени, отличаются в композиционно-художественном отношении от нашей плиты. Так, они представляют собой горизонтальные плиты прямоугольной вытянутой формы, в западном конце которых, в углах,

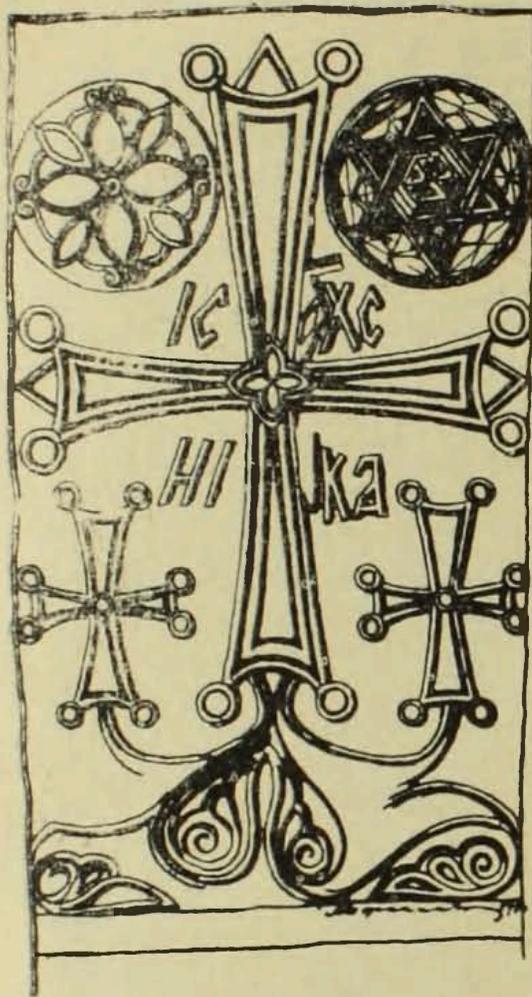

Рис. 5. Плита цитадели крепости 1440 г. (реконструкция).

высечены ямочки-выемки, а в середине выгравирован небольшой крест. В средней части плиты обычно помещалась эпитафия, а в нижней—рисунок вазы с цветами. Вместе с тем появление плиты в стиле армянских хачкаров XIII—XIV вв. вообще не является исключением⁴⁰.

Плита крепости представляла собой мраморную доску вытянутой прямоугольной формы плохой сохранности⁴¹, в связи с чем и предлагается наша реконструкция (рис. 5). Как видно из рисунка, две трети верхней части плиты заняты собственно одним большим крестом, расположенным по длинной оси плиты. Под обеими горизонтальными ветвями большого креста помещены по одному маленькому кресту. Большой и малые кресты связаны между собой вырастающими из под вертикальной ветви креста стилизованными листьями, из которых выделяются ветки, примыкающие своими концами к нижним вертикальным ветвям маленьких крестов. Верхние углы плиты заняты крупными орнаментами в кругах. Первый представляет собой два переплетающихся треугольника, образующих шестиугольник, а второй—трудно различимый, очевидно растительный, орнамент, напоминающий розу. В углах пересечения ветвей креста помещены буквы, судя по фотографии, трудно различимые, но по аналогии их размещения на других поздних памятниках Молдавии и, в частности, на плите XVIII в. северной маленькой ризницы армянской церкви города⁴² и др.⁴³, их мож-

⁴⁰ Это можно видеть на примере плиты армянской церкви (1622 г.) в Каймакли, недалеко от Трапезунда (см. D. Talbot Rice, Notice on some religious buildings in the city and vilayet of Trebizond, Byzantion, Paris-Bruxelles, 1930, t. V (1929), I, табл. 9.

⁴¹ См. А. Кочубинский, ук. соч., табл. II

⁴² См. А. Тораманян, ук. соч., стр. 283, рис. 2 а, б.

⁴³ См. А. М. Матвеевич, Старинная церковь в Каушанах. Древнейшие типичные православные церкви Бессарабии, Кишинев, 1918, стр. 79.

но читать так, как на нашей реконструкции. Нижняя часть плиты занята греческой строительной надписью в шесть рядов. Надпись в один ряд можно видеть и на горизонтальном верхнем бордюре плиты, а также, частично, на нижнем.

Сравнительный анализ архитектурно-художественного убранства рассматриваемых плит позволяет заключить, что между ними есть много общего. Однако не встречаемые на армянских плитах церкви города угловые круги плиты крепости фигурируют на многих хачкарах Армении⁴⁴, а также хачкаре названной церкви в Каймаклии⁴⁵. Вместе с тем необходимо отметить, что такие круги в виде убранства верхних углов встречаются на порталах многих памятников архитектуры стран Ближнего Востока, а также Балканского полуострова. Очевидно, в этих кругах можно видеть символическое изображение солнца и луны. Относительно наличия букв в углах, образованных пересечением ветвей креста плиты, необходимо сказать, что это имеет, видимо, местные корни и появление такой особенности на плите XVII в. армянской церкви в Белгороде-Днестровском надо связывать именно с плитой крепости города.

3. Особенности армянских памятников Молдавии

За длительное время проживания армян в Молдавии ими было построено много зданий, среди которых встречаем и церкви, относящиеся к различным периодам, начиная с XIV в.⁴⁷ К сожалению, до нашего времени сохранилось небольшое количество зданий. Об исчезнувших нам известно из различных письменных источников и сохранившихся фотографий, опубликованных в различных изданиях⁴⁸.

Из сведений путешественников, историков, хронистов и архивных источников известно, что в Молдавии армяне не всегда строили для себя церкви; в ряде случаев они получали их в дар, а возможно, и покупали у общин⁴⁹. Так, нынешняя армянская кафедральная церковь в Кишиневе,

⁴⁴ См. О. Егиазарян. Памятники культуры Азизбековского района, Ереван, 1955, табл. 13; „Khatchkar. Dokumenti di arhitectura armena“, Milano, 1969, 2, стр. 12, рис. 4.

⁴⁵ См. D. Talbot Rice, ук. соч., табл. 19.

⁴⁶ Здесь рассматриваются особенности зданий, находящихся на территории Пруто-Днестровья.

⁴⁷ См. H. D. I. Sîgurni, Armenii în România cu prilejul unui centenar, Bucureşti, 1940, стр. 21.

⁴⁸ В настоящее время мы располагаем материалами по церквям: Белгороде-Днестровском (конец XV—начало XVII в.), Кишиневе (1803 г.), Хотине (начало XIX в.), Григориополе (начало XIX в.), Ганчештах (ныне г. Готовск, 1872 г.), Измаиле (1878 г.), Бельцах (1912 г.), Оргеева (1903 г.), на армянском кладбище в Кишиневе (1916 г.). Здесь же рассматривается греческая церковь (1887 г.) в Кишиневе, которая имеет тождественные черты с однотипными зданиями Армении.

⁴⁹ См. H. D. I. Sîgurni, Ţara voevodului Ştefan, Bucureşti, стр. 18, 19. Գրիգոր Գարաշինյանի. Փամփակագրութիւն, Երևան, 1941, стр. 125; В. Курдиновский, Древнейшие типичные православные церкви Бессарабии, «Труды Бессарабского церковного историко-археологического общества», Кишинев, 1918, I, стр. 97; А. Тораманян, ук. соч., стр. 280.

согласно предположению историка Штефана Чобану (которое подтверждается и нашими исследованиями), вначале принадлежала молдаванам⁵⁰. Очевидно, это объясняется тем, что армянское население ряда городов по многим причинам не в состоянии было строить церкви, соответствующие своему культу, что можно видеть на примере некоторых памятников позднего времени, начиная с XIX в.

Несмотря на то, что армяне постоянно стремились сохранить традиции духовной и материальной культуры исторической Армении, все же, в силу местных условий, в ряде памятников архитектуры более или менее отражаются черты, свойственные зодчеству феодальной Молдавии. Надо полагать, что эти черты нашли отражение также в связи с тем, что с давних времен армянское население в городах Молдавии не было многочисленным и, следовательно, возможность строительства церквей, соответствующих сложившемуся типу в Армении, была для него не всегда доступна.

Знакомство с архитектурно-художественным решением сохранившихся культовых зданий дает возможность видеть, в какой мере и как преломлялись в них некоторые черты молдавского зодчества, а также выявить особенности, отражающие традиции армянского зодчества.

Сравнительный анализ архитектурно-планировочных решений каменных зданий позволяет выявить два типа: однефный и крестообразный. Первый характеризуется развитием по оси восток—запад, определяющим пространственное решение наоса, к которому с восточной стороны примыкает полукруглая алтарная абсида (церкви в Кишиневе и Измаиле) или абсида, вписанная в прямоугольник алтарного блока (церковь в Белгороде-Днестровском).

Своеобразное решение однефного здания иллюстрируют две армянские церкви: упомянутые в Белгороде-Днестровском и в Измаиле; последняя еще существовала в 20-х годах XIX в.⁵¹ Оба эти здания заглублены в землю. Аналогичные молдавские церкви в Каушанах и Килии относятся к периоду турецкого владычества в Молдавии. Предполагается, что такое решение обусловлено правилами строительства христианских культовых зданий, установленными турками⁵².

Следует отметить, что деление церкви на наос и алтарь отличало нынешние армянские церкви в Белгороде-Днестровском и Кишиневе и до получения их от греков и молдаван. После этого к ним, в разное время, пристраивались отдельные помещения, назначение которых было обусловлено требованиями армянского культа. Это—приалтарные помещения, по одному с южной и северной сторон алтарной абсиды церкви

⁵⁰ См. Ștefan Ciobanu, Chișinăul, Chișinău, 1925, стр. 110, А. Х. Тораманиян, Строительные надписи и архитектура армянской церкви в Кишиневе, сб. «Этнография и искусствоведение», Кишинев, 1971.

⁵¹ См. H. Di Siruni, Bisericile armene..., стр. 513.

⁵² См. статью «Килийская церковь св. Николая», «Записки Одесского общества истории и древностей», 1850, II, стр. 484.

в Белгороде-Днестровском и одно крещальное помещение северной стены церкви в Кишиневе (рис. 6)⁵³.

Во вновь построенной церкви в Оргееве алтарная абсида также имеет помещения с обеих сторон. Это можно видеть почти во всех па-

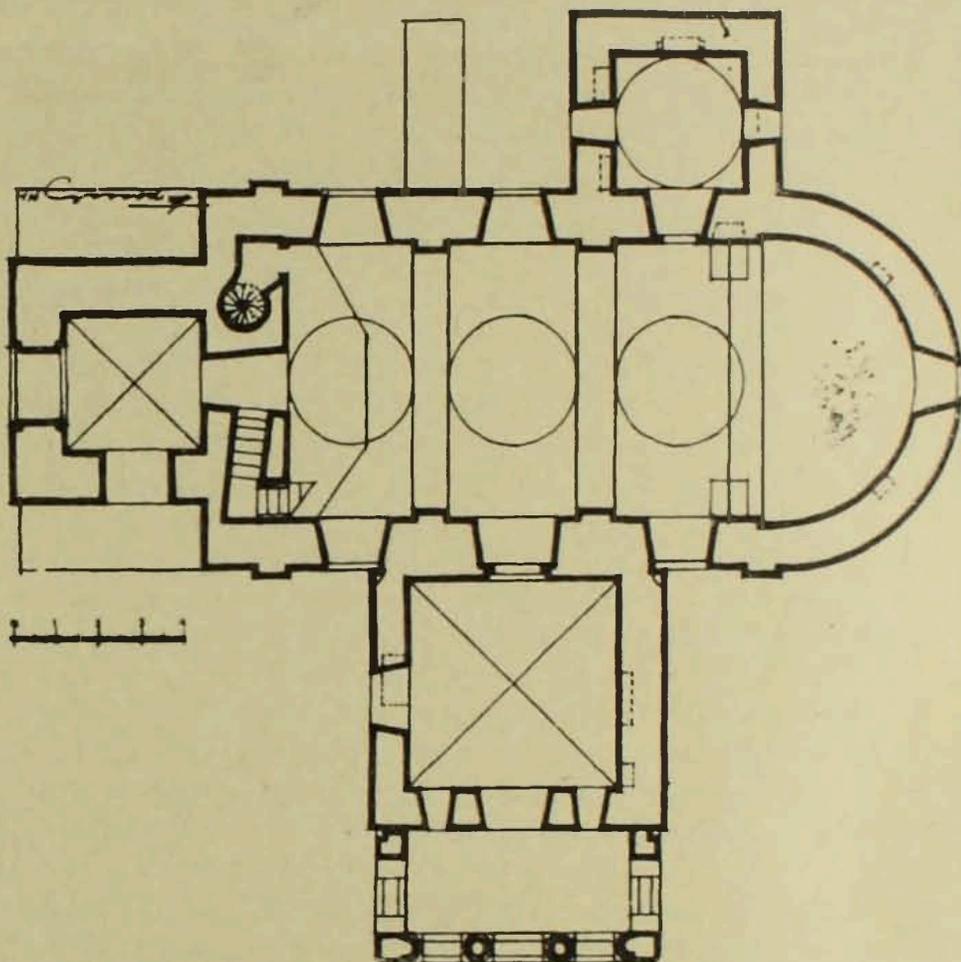

Рис. 6. План церкви в Кишиневе.

мятников культовой архитектуры Армении, начиная с раннего средневековья. Перекрытие алтарных абсид однонефных церквей—конховидное, а приалтарных помещений—балочное (церковь в Оргееве).

В некоторых памятниках этого типа встречаются притворы, примыкающие к их южным стенам (церкви в Белгороде-Днестровском, Кишиневе, Хотине). Конструкция перекрытий притворов аналогична конструкции перекрытий алтарных помещений. Новое решение—крестовый свод—встречается в кишиневской церкви⁵⁴.

⁵³ Северное помещение кафедральной армянской церкви в Кишиневе построено, возможно, в 1803 г. В надписи этого года указывается «построено». Однако мы полагаем, что церковь была капитально реконструирована на базе разрушенной молдавской церкви и в это время было возведено это помещение (см. А. Т о р а м а н я н, ук. соч.).

⁵⁴ Очевидно, притвор армянской церкви в Кишиневе построен в 1804 г. Варданом во время новой реконструкции церкви (см. А. Т о р а м а н я н, ук. соч.).

Привлекает к себе внимание также наличие трехпролетных галерей перед западным входом в церкви в Белгороде-Днестровском и притвором церкви в Кишиневе. Эта черта, возможно, перенесена армянами из своей страны, где трехпролетные галереи можно встретить на церквах Эчмиадзина (Гаяне), Еревана (Зоравар, Мугни (св. Георгия).

В ряде случаев к западной стене церкви примыкает ярусная колокольня (от двух до четырех этажей—в Кишиневе, Измаиле, Григориополе, Хотине). В этом отношении исключением является церковь в Белгороде-Днестровском, деревянная колокольня которой расположена отдельно с юго-западной стороны церкви. Однако армянская епархия стремилась превратить колокольню вместе с церковью в единый организм, как это видно из письма архиепископа Нахичевано-Бессарабской епархии Нерсеса к местным властям от 3.1.1829 г.: «Покойный епархиальный в Бессарабии обитающих армян архиепископ Григорий по причине умножения армянского сословия признал в 1827 году нужным разрешением своим предписать Аккерманскому духовному правлению, чтобы согласно посланному от него плану сделать в одном храме переправку, одну стену вновь переделать и расширить для пространства, притом наверху храма прочно основать купол, в коем помещаются колокола. Предположение сие в перестройке и в исправлении церкви было начато в том же 1827 году—перестройка dokonчена, оставалось только довершить купол. В сие время последовала кончина архиепископа Григория; за неимением материалов невозможно было докончить»⁵⁵. Перекрытие ярусов колокольни однефных церквей балочное и сводчатое. Колокольни церквей в Кишиневе, Хотине, а также, возможно, исчезнувших церквей в Измаиле и Григориополе были увенчаны пирамидальными остроконечными крышами, как и в культовых зданиях Армении.

Архитектурно-композиционное решение церквей однефного типа в общем скромное. Единственными элементами, усиливающими пластику объема здания, являются пристройки. Сами наосы зданий обычно покрыты двухскатной крышей без каких-либо надстроек. Исключением является армянская церковь в Кишиневе, над алтарной абсидой которой до середины этого столетия был высокий деревянный восьмигранный барабан⁵⁶. Эта черта особенно характерна для молдавских церквей XV—XVI вв., в большинстве увенчанных граненым барабаном, несущим купол. Может быть, в устройстве барабана над армянской церковью в Кишиневе было также желание епархии видеть в этом здании облик церквей Армении. Любопытно отметить, что этот барабан, устроенный над деревянными конструкциями перекрытия, не создавал в его своде подкупольного отверстия. В этом способе устройства барабана, возможно, прослеживается восхождение к деревянному зодчеству Молдавии⁵⁷.

⁵⁵ ЦГА МССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 1263, л. 6 и об.

⁵⁶ См. снимок церкви в указ. работе Штефана Чобану.

⁵⁷ См. Ștefan Ciobanu, Bisericile vechi din Basarabia, Comisiunea monumentelor istorice, secția din Basarabia, Chișinău, 1924, стр. 3.

Как можно видеть, в каменном строительстве церквей эта традиция не исчезает. В этом отношении отличалась ныне не существующая армянская церковь в Измаиле, купольный барабан которой, судя по приведенному здесь плану и сведениям старожилов, опирался на среднюю часть сферического свода западной половины церкви (рис. 7). Подобное решение характерно и для молдавской архитектуры середины XIX—начала XX вв.

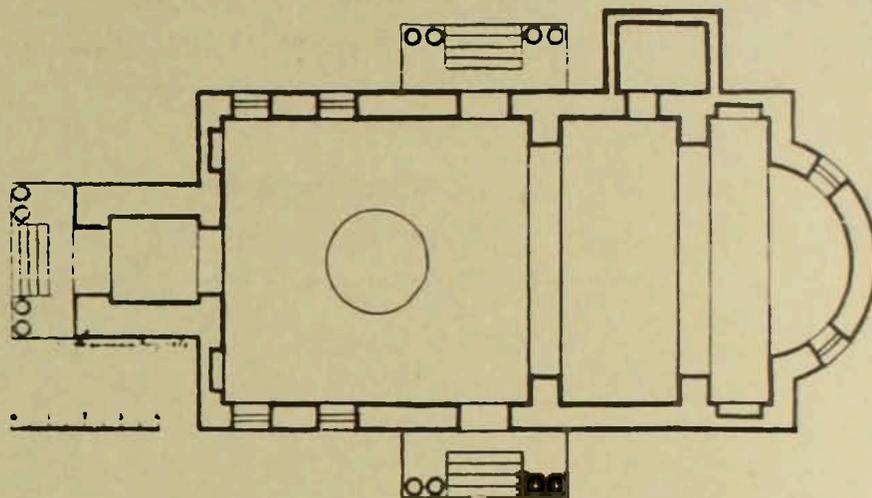

Рис. 7. План армянской церкви в Измаиле (ныне не существует).

Сегодня трудно говорить о характерных чертах архитектурно-декоративного убранства известных армянских церквей Молдавии в связи с тем, что элементы декора этих памятников самые разнообразные и имеют различное происхождение.

Пластичность фасадов церквей однефного типа усиливается архитектурными элементами (наличниками, карнизами, портиками, декоративной кладкой и др.). Выразителен внешний облик армянской церкви в Кишиневе, фасады которой обогащены декоративной аркатурой, расположенной под карнизом стен церкви⁵⁸. Этот декоративный мотив характерен для молдавского зодчества еще с XVI в.

Среди армянских церквей выделяются крестообразные здания, относящиеся к 70-м годам XIX—начала XX вв. Несмотря на то, что нам известны всего четыре постройки этого типа, все же в планировочно-композиционном решении они определяют свое яркое своеобразие⁵⁹.

Планировочное решение церквей в Котовске и греческой и армянской капелл на кладбище⁶⁰ в Кишиневе развивает композицию сво-

⁵⁸ Очевидно, декоративная аркатура была выполнена в 1885 г. во время большой реконструкции, о которой свидетельствует строительная надпись, помещенная в тимпане во время новой реконструкции церкви (см. А. Т о р а м а н я н, ук. соч.).

⁵⁹ Эти церкви возведены в качестве церквей-усыпальниц.

⁶⁰ С 1964 г. капелла передана полякам города. Согласно Х. И. Кучук-Ноаннесову, в Григориополе, возможно, одна из церквей была крестовокупольного типа (см. Х. И. Кучук-Ноаннесов, Армянские надписи в г. Григориополе Херсонской губернии. Древности восточные, II, вып. 1, М., 1896. стр. 120).

бодного креста. Характерно отметить, что ветви креста армянской церкви в Бельцах образованы выступающими из плоскости стен прямоугольника наоса пятигранными (северная, южная и полукруглая восточная) абсидами. В отличие от армянских церквей Армении типа свободного креста, где его ветви имеют в плане прямоугольное очертание, восточная ветвь армянской капеллы на кладбище в Кишиневе также имеет пятигранную форму (рис. 8). Следует отметить, что в плане остальных церквей, в углах пересечения ветвей креста, имеются трехгранные (церкви в Котовске, капелла—в Кишиневе) или криволинейные (греческая церковь) объемы, которые в некоторых случаях используются как дополнительные помещения наоса⁶¹.

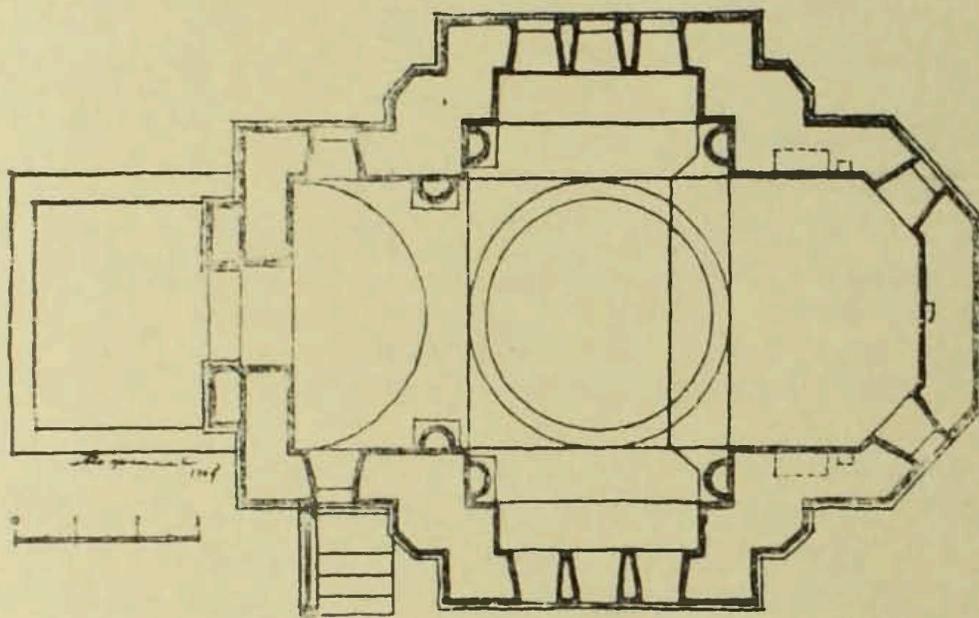

Рис. 8. План армянской капеллы-церкви на кладбище в Кишиневе.

Наличие угловых объемов имеет важное конструктивное значение в обеспечении максимальной конструктивной целостности объема здания. В этом отражается его давний прототип, известный в памятниках раннего средневековья и более позднего времени Армении⁶².

Как известно, барабан крестовокупольных церквей Армении опирается на цилиндрические своды ветвей креста непосредственно или через промежуточные конструкции, организующие переход от квадратного основания к многогранному или круглому барабану купола путем применения конических или сферических парусов. Совершенно иное решение принято в греческой церкви в Кишиневе. Автор церкви Александр Бернардаци удачно воплотил для этих целей систему двух взаимно перпендикулярно перекрещивающихся арок. Над средним квадратом, образованным пересечением арок, возвышается купольный бара-

⁶¹ Оба здания построены по проекту А. Бернардаци.

⁶² Таковыми являются церкви в Аване (598—609 гг.), Рипсима (618 г.), Таргманчац (VII в.), Ахтамаре (915—921 гг.) и др.

бан церкви. Как известно, эта система применялась еще с XIII в. в перекрытиях зданий трапезных, гавитов, книгохранилищ Армении.

Своеобразно решена система купола в армянской капелле на кишиневском кладбище⁶³. Барабан купола покоится на круглом основании, диаметром меньше сечения круга средокрестия. Это обеспечено возведением свода с отсеченным верхом, диаметр которого соответствует диаметру купольного барабана церкви с помощью сферических парусов. Можно заметить, что в этом решении есть много общего с купольными сооружениями Молдавии периода Штефана Великого и Петра Рареша. Вместе с тем аналогичное решение встречается в архитектуре Армении еще с XIII в.⁶⁴, Сербии (трапезная Дечан, XIV в.) и в ряде монастырей Греции⁶⁵. Этот прием возведения купольного барабана можно видеть также в русской архитектуре XVII в.⁶⁶ Аналогичные решения имеются в яских церквях конца XVIII—начала XIX вв.⁶⁷, а его точный прототип можно видеть в церкви Вовидения (монастырь Нямц), построенной в 1751 г.⁶⁸

В композиции церквей в Бельцах и Кишиневе (греческая церковь) колокольня решена в виде пристройки к западной стене здания. Исключение составляет церковь в Котовске, не имевшая колокольни. Возможно, это объясняется тем, что она представляла собой семейную капеллу в отличие от первых двух, являющихся храмами армянской и греческой общин Бельца и Кишинева.

Архитектурно-художественное решение крестообразных зданий весьма разнообразно. Необходимо отметить, что благодаря своему объемному построению эти здания сами по себе выразительны и пластичны. Особенно величествен их облик, когда над их средокрестием властно рисуются барабаны куполов, завершенных в армянских церквях остроконечной крышей конического очертания по типу известных в архитектуре средневековой Армении. В капелле на кладбище, над объемами, находящимися в углах пересечения ветвей креста, были декоративные башенки, обрушившиеся, по сведениям старожилов, в результате землетрясения 40-х годов нашего столетия.

Элементы убранства крестообразных зданий очень разнообразны. Так, в греческой церкви и армянской капелле доминантой декора является сама кладка стен с использованием приема чередования светлых и темных камней или кирпичей, часто встречающегося в зодчестве

⁶³ Капелла построена по проекту инженера А. Хачикянца. Это видно из надписи, помещенной на мраморной плите, прикрепленной изнутри к южной стене капеллы.

⁶⁴ См. Hakhrat, Documenti di architettura armena, Milano, 1968, стр. 47, рис. 2.

⁶⁵ См. «Всеобщая история архитектуры», III, М.—Л., стр. 426, рис. 6, стр. 129, рис. 88 (I, 2).

⁶⁶ См. Г. В. Альферов, К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона. Архитектурное наследие, М., 1969, стр. 34, рис. 1.

⁶⁷ См. Gh. Curinschi, Monumentele de arhitectură din Iași, București, 1967, рис. 14, 15.

⁶⁸ Stefan Balș-Corina Nicolescu, Manastirea Neamț, București, 1958, стр. 101, рис. 75.

юго-востока Европы, а также сочетание декоративной штукатурки с различными видами каменной лицевой кладки, как можно видеть на церкви в Бельцах. Использование декоративных угловых колонеток (капелла и греческая церковь в Кишиневе), приставных крестов (капелла и церковь в Бельцах) усиливает степень выразительности архитектуры этих зданий.

Таковы некоторые особенности известных нам культовых зданий армян междуречья Днестра и Прута.

ՀԱՅ-ՄՈՂԴԱՎԱԿԱՆ ՃԱՐՏԱՐԱՊԵՏԱԿԱՆ ԿԱՊԵՐԻ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋԸ

Ա. Խ. ԹՈՐԱՄԱՆՅԱՆ (Քիշինև)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հոգվածում նոր նյութերի հիման վրա լուսաբանվում է հայ-մոլդավական դեղարվեստական կապերի հարցը:

Ֆեոդալական Մոլդավիայի XV դարի վերջի պաշտամունքային ճարտարապետության կապակցությամբ առաջ է քաշվում մոլդավական կամարի առաջացման հարցը: Ծածկի կառուցվածքի համանման լուծումներ են հանդիպում Անդրկովկասի և Մերձավոր Արևելքի ժողովրդական ճարտարապետության մեջ: Շինությունների երկու նմուշ՝ փայտե և քարե, հաստատում են, որ մոլդավական կամարը կարող էր ծագել ծածկերի կառուցվածքի ստեղծագործական վերամշակման հետևանքով:

Ֆեոդալական Մոլդավիայի նյութական մշակույթի հուշարձանների մեջ առանձնանում են հայկական եկեղեցում գտնվող երեք հուշասալեր (1446, 1474 թթ., երրորդն անթվակիր է), ինչպես նաև հունարեն արձանագրությամբ մի սալ (1440 թ.), որ գտնվում է Բելգորոդ-Պենեստրովսկի միջնաբերդում: Այս սալերը աչքի են ընկնում նախ և առաջ Անդրկովկասի և մասնավորապես Հայաստանի արվեստի հետ ունեցած ազգակցությամբ: Թեև հայերը ջանում էին պահպանել պատմական Հայաստանի հոգևոր և նյութական մշակույթի ավանդույթները, բայց և այնպես, տեղական պայմանների ազդեցության տակ, ճարտարապետական մի շարք հուշարձաններում նկատվում են ֆեոդալական Մոլդավիայի ճարտարապետությանը բնորոշ գծեր: